

ПРИМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНСТИТУЦИЙ СУДАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВО ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (Обзор научной дискуссии, состоявшейся в рамках проведения “круглого стола” 20–21 октября 2014 г. в РГУП)

В Российском государственном университете правосудия (РГУП) отделом конституционно-правовых исследований и кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука при поддержке отдела международных связей и посольства Франции в России в период с 20 по 21 октября 2014 г. был проведен “круглый стол” на тему “**Применение национальных конституций судами в Российской Федерации и во Франции: сравнительно-правовой аспект**”. В его работе приняли участие ученые, специализирующиеся в сфере теории права и государства, конституционного права, а также российские и французские судьи.

20 октября 2014 г. состоялось первое заседание “круглого стола”.

С приветственным словом от имени ректора РГУП выступил проректор по научной работе РГУП, доктор юрид. наук, проф. **В.Н. Корнев**. Вела “круглый стол” зав. отделом конституционно-правовых исследований РГУП, доктор юрид. наук, проф. **И.А. Умнова**.

Модераторы “круглого стола” – канд. юрид. наук, доц. **И.А. Алешкова** и зам. начальника отдела международных связей **С.Н. Куракина**.

Вступительное слово от Верховного Суда РФ было предоставлено судье Верховного Суда РФ, доктору юрид. наук, проф. **В.И. Анишиной**, которая ознакомила участников “круглого стола” с реформой судебной власти в России и теми изменениями, которые произошли в структуре и деятельности Верховного Суда РФ. В.И. Анишина отметила рост публично-правовых споров и важность совершенствования административной юстиции. Была приведена статистика роста дел, рассматриваемых в защиту прав граждан.

От французских участников со вступительным словом выступил **Николя Мазю** (профессор публичного права, член Суда – докладчик палаты по уголовным делам Кассационного суда Франции). Он ознакомил с современной судебной системой Франции, со спецификой юрисдикции высших судов, обозначил особенности взаимодействия Конституционного совета, Государственного совета и Кассационного суда Франции. Н. Мазю отметил сложный характер юрисдикционной системы Франции, неразграниченность судебной подведомственности по вопросам конституционной приоритетности. По его мнению, не решенными остаются также вопросы конституционной и международной приоритетности в регулировании и применении норм в сфере прав человека в контексте взаимоотношений между национальными судами Франции, Европейским Судом по правам человека (Страсбург) и Люксембургским судом Европейского Союза.

Основной доклад первого дня на “круглом столе” был сделан зав. отделом конституционно-правовых исследований РГУП, доктором юрид. наук, проф. **И.А. Умновой**,

отметившей, что в современный период Россия в своих подходах к пониманию конституции и применению ее норм заметно европеизируется. Вместе с тем имеются свои особенности, обусловленные логикой конституционного развития России.

Докладчик обратила внимание на то, что закрепление положения ч. 1 ст. 15 Конституции РФ о ее прямом действии и применении на всей территории Российского государства имело серьезные последствия для конституционного развития современной России. Во-первых, для российской правовой культуры такая формулировка оказалась новой и стимулировала исследования по ее интерпретации. В советской теории права традиционно выделялись три формы реализации: исполнение, соблюдение, использование. При этом применение Конституции рассматривалось сквозь призму применения норм текущего законодательства.

Во-вторых, ученые и практики сразу обратили внимание на то, что не вся Конституция РФ имеет прямое действие. Существует проблема прямого действия некоторых конституционных норм (например, о социальных и экономических правах граждан, о федеративном устройстве, о местном самоуправлении, о судебной системе). В связи с тем, что формулировки конституционных норм, как правило, являются слишком общими, требуется их правотворческая конкретизация.

В-третьих, в научный оборот было введено понятие “прямое применение Конституции РФ”, используемое в силу того, что суды в условиях отсутствия норм федерального закона стали прямо ссылаться на конституционные нормы в целях разрешения определенного юридического спора. Введение термина “прямое применение Конституции РФ” вызвало научную дискуссию. Оппоненты такой точки зрения посчитали, что вполне достаточно ограничиться понятиями “прямое действие Конституции РФ” и “применение норм Конституции РФ”. При этом применение норм Конституции РФ возможно в двух вариантах: 1) нормы Конституции РФ применяются в единстве с нормами законов и других нормативных правовых актов; 2) нормы Конституции РФ применяются как единственное обоснование судебного решения. И то, и другое имеет место в практике применения Конституции РФ отечественными судами. В подтверждение И.А. Умнова привела примеры, как на основе только норм Конституции РФ судами общей юрисдикции решались вопросы незаконности отключения воды, газа и электроэнергии у граждан-потребителей (право на достойную жизнь), неправомерности размещения промышленных свалок вблизи жилых домов (право на благоприятную окружающую среду) и т.п.

И.А. Умнова также отметила, что современная практика применения российскими судами Конституции РФ отличается

ся неоправданным различием в подходах, юридической мотивации и в оценке действующего законодательства. Однако существуют общие, новые тенденции, ранее не присущие отечественным традициям правоприменения.

Первая тенденция – широкое понимание Конституции РФ при применении ее положений, введение в оборот понятий “живая конституция”, “конституционное пространство”, “конституционные преобразования”. Применяя Конституцию, национальные суды расширительно воспринимают конституционное пространство и, не ограничиваясь лишь текстом самой Конституции, используют в качестве основы конституционной мотивации общепризнанные принципы и нормы международного права, правовые позиции конституционных судов и других высших судов, осуществляющих толкование Конституции РФ, а в случаях признания государствами определенных конвенционных норм также решения международных судов. Знаменитое высказывание судьи Верховного суда США Ч. Хьюга о том, что “Конституция – это то, что о ней скажут судьи”, уже не воспринимается современными отечественными конституционалистами как отражение типично американской правовой культуры. Представители разных научных школ конституционного права в той или иной мере признают, что конституционное пространство современного государства не может обойтись без международно-правовых стандартов и международного судебного обоснования.

Вторая тенденция – использование преимущественно интегративного подхода при применении норм Конституции РФ. Сравнительный анализ опыта применения Конституции Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ и судами общей юрисдикции других уровней свидетельствует о том, что при обосновании решения положениями конституционной нормы суды одновременно ссылаются не только на Конституцию РФ, но и на общие принципы права (например, принципы правовой определенности, пропорциональности, соразмерности, справедливости и др.), на правовые позиции судов, на положения федеральных законов, а иногда и на подзаконные нормативные акты, таким образом, интегрируя правовые положения, вытекающие из конституционных норм и норм, взаимосвязанных с ними, в единое правовое пространство. В этом контексте наблюдается совпадение с интегративным подходом, используемым Европейским Судом по правам человека.

Третья тенденция – расширение круга субъектов применения норм Конституции РФ и наличие коллизий в судебной практике в контексте правопонимания тех или иных конституционных положений. В настоящее время наблюдаются коллизии (несоответствия) между правовыми позициями вследствие применения (оценки, интерпретации и толкования) положений Конституции РФ между судами:

1) Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом РФ (ситуация, возникшая после принятия Европейским Судом Постановления от 7 октября 2010 г. по делу “Константин Маркин против России”; последующая дискуссия и позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П, согласно которой в случае, если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда без признания не соответствующими Конституции РФ законоположений, относительно которых ранее Конституционный Суд РФ констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности этих законоположений);

2) между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ (долговременный процесс увязки различных подходов к применению Конституции РФ и конституционному судебному контролю, содержащихся, с одной стороны, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 8 “О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия” от 31 октября 1995 г. (в ред. от 6 февраля 2007 г. № 5 и от 16 апреля 2013 г. № 9) и, с другой стороны, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П, не снял полностью данную проблему);

3) между конституционными, уставными судами субъектов Федерации и судами общей юрисдикции.

В контексте решения обозначенных различий и коллизий, подчеркнула И.А. Умнова, актуальным является формирование институционально-правовых механизмов координации, взаимного учета опыта и диалога между международными и национальными судами, между национальными судами различной юрисдикции, а также более четкое разграничение подведомственности внутри системы национальных судов.

С ведущим докладом от французских участников выступил **Фабрис Уркеби** (профессор, директор Школы докторантуры права Университета Бордо, генеральный секретарь Французской ассоциации конституционного права). Он отметил, что для французской конституционно-правовой культуры исторически было присуще недоверие к судебной власти, и она долгое время не занимала достойного места в конституционном аспекте. Традиционно судебная власть находилась в подчинении и никогда ранее не имела такого же суверенного статуса, как законодательная и исполнительная ветви власти. По этой причине судебный контроль как направление деятельности судебной власти был введен совсем недавно. Маргинализация судебной власти способствовала замедлению в развитии институтов конституционной юрисдикции, в осуществлении таких функций, как проверка конституционности, толкование, применение и интерпретация конституционных положений.

В обоснование сложившейся ситуации Ф. Уркеби подробно остановился на двух основных факторах.

1. Суверенность законодательной власти, всемогущество закона (закон рассматривался как выражение всеобщей воли, которую не следует пересматривать, отсюда не существовало противовеса власти большинства, и не было никакой возможности ограничить парламентский “суверенитет”, выражающийся в том, что принятые им законы не подлежат проверке на предмет конституционности).

2. Правосудие конкурировало с законодательной властью. Во время старого режима у законодательной власти были напряженные отношения с судами, которые налагали вето и критиковали королевские акты, породив сложные конфликты по вопросам судебной королевской власти, по сути, способствовали дестабилизации ситуации. Было несколько попыток создания конституционного контроля: в 1875, 1903 гг. предложено конституционный контроль доверить специальным учреждениям, а в 1946 г. – возложить такой контроль на Кассационный суд, но предмет ограничить сферой организации государственной власти.

Оценивая роль Конституционного совета, докладчик отметил, что этот орган есть атипичный пример конституционного контроля в контексте легоцентризма. С учреждением Конституционного совета, с одной стороны, предметом проверки стала конституционность законов, с другой – по-преж-

нему считается, что, когда закон вступает в силу, его нельзя контролировать. Функции Конституционного суда уже, чем функции конституционных судов. Совет не может отменить действующий закон; он может вынести суждение о неконституционности законопроекта, находящегося в разработке либо только что принятого, но тут же оспоренного и не вступившего еще после промульгации в законную силу. Конституционный совет не имеет права проверять конституционность законов по своей инициативе.

В ходе конституционной реформы 23 июля 2008 г. Сенат предложил переименовать Конституционный совет в Конституционный суд, а также упразднить членство в Конституционном совете бывших президентов Республики; однако сенатские поправки не прошли в Национальном собрании и, следовательно, не попали в текст конституционного пересмотра. В то же время с 2008 г. во Франции был введен атипичный контроль конституционности, т.е. запущен более широкий механизм определения конституционной приоритетности, произошла децентрализация контроля. Была создана “фильтрационная техника” конституционности, в связи с чем конституционный контроль стали осуществлять и Конституционный совет, и Кассационный суд, и Государственный совет.

После основных докладов в дискуссии приняли участие ученые и научные сотрудники РГУП.

Главный научный сотрудник отдела конституционно-правовых исследований РГУП, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юрид. наук **Н.М. Колосова** подробно остановилась на проблемах соотношения применения конституционных норм законодательной и судебной ветвями власти. Было отмечено, что следует исходить из недопустимости превышения своих полномочий органом государственной власти в процессе применения Конституции РФ.

В качестве примера Н.М. Колосова проанализировала ситуацию по делу депутата Гудкова, когда Государственная Дума приняла окончательное решение о досрочном прекращении его полномочий. Она обратила внимание на то, что в этом случае нельзя исключить ситуацию, когда исполнение решения суда о восстановлении нарушенных прав депутата может быть затруднено по объективным причинам (например, вакантная должность уже замещена другим депутатом).

В этой связи была обоснована необходимость установления законодательного барьера, исходя из конституционно закрепленных полномочий органов государственной власти. В частности, Н.М. Колосова указала, что недопустимо принимать решения Государственной Думой о досрочном прекращении полномочий депутата, если это прямо не предусмотрено Конституцией РФ.

Ведущий научный сотрудник отдела конституционно-правовых исследований РГУП, канд. юрид. наук, доц. **И.А. Алешкова** в своем выступлении подчеркнула, что совершенных конституций в мире не существует. Практически все конституции отражают интегративный подход к пониманию права, включая научно-доктринальные воззрения, развивающие идеи естественно-правовой школы права, психологической школы права, позитивизма, герменевтики, аксиологического подхода, инструментального подхода, социологического подхода и др.

В современный период реализация юрисдикционной судебной деятельности воплощается в двух процессуальных формах, которые представляется возможным определить

как “суд права” и как “суд факта”, которые, как полагает И.А. Алешкова, должны, во-первых, свершаться на основе строжайшего соблюдения конституционных принципов судопроизводства (позитивистский подход); во-вторых, реализовываться с учетом того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (аксиологический подход); в-третьих, осуществляться субъектами, обладающими высокой правовой культурой и правосознанием (психологический подход); в-четвертых, с учетом конституционно-правового смысла, выявленного при истолковании и разъяснении конституционных предписаний высшими судебными инстанциями (герменевтический подход); в-пятых, служить инструментом для защиты прав и свобод (инструментальный подход) и др.

Соответственно, с точки зрения И.А. Алешковой, уместно в данном случае говорить о том, что специфика применения конституционных норм судами выражается в возможности при осуществлении “суда права” и “суда факта” руководствоваться при понимании, толковании и применении конституционных норм интегративным подходом.

Старший научный сотрудник отдела конституционно-правовых исследований РГУП, канд. юрид. наук, доц. **Е.Д. Костылева** затронула проблемы правильного понимания конституционных терминов “суд”, “судебная власть”, “правосудие”. В конституционном смысле, по мнению Е.Д. Костылевой, понятия “судебная власть” и “правосудие” практически тождественны, что подтверждается сопоставлением ч. 1 и ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, в первой из которых говорится об осуществлении правосудия в Российской Федерации только судом, а во второй – об осуществлении судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В правосудии проявляет себя судебная власть. Главная же функция суда как самостоятельного и независимого органа государственной власти – правосудие. Правосудие отличается рядом специфических признаков, состоящих в том, что оно осуществляется от имени государства, исключительно специальными органами государственной власти – судами, посредством рассмотрения в судебных заседаниях гражданских, уголовных и административных дел в определенной, установленной законом процессуальной форме. Правосудие в Российской Федерации строится на конституционных принципах, отражающих сущность и задачи демократического, правового государства.

Участники “круглого стола” встретились с российскими судьями, перед которыми выступили **Н. Мазю** (профессор публичного права, член Суда – докладчик палаты по уголовным делам Кассационного суда Франции) и **В.И. Анишина** (судья Верховного Суда РФ, доктор юрид. наук, проф.).

В своем выступлении **Н. Мазю** раскрыл роль Кассационного суда Франции в системе органов юстиции. Он отметил, что образованный более 200 лет назад Кассационный суд Франции, являясь наследником дореволюционных судов, в практической деятельности уходил от проверки конституционности законов. Тем не менее Суд толкует Конституцию, но по делам в сфере уголовного и гражданского судопроизводства. Когда Суд занимается рассмотрением вопросов в части кассации, то судят только “по праву” и никогда “по факту”, хотя граница между правосудием факта и правосудием права тонкая. В этой связи Кассационный суд дал классификацию фактов, по которым рассматривает дела. Рассматривая дела “по факту”, судьи напрямую толкуют конституционные нормы, чтобы урегулировать спорные моменты. Это есть признание роли суда Франции в применении конституционных норм.

Н. Мазио привел ряд примеров применения конституционных норм судами. Один из них – дело, рассмотренное Судом в 1989 г., когда приходилось толковать конституционную норму в связи с прослушиванием телефонных переговоров. Другой пример – дело, рассмотренное в 2014 г. в связи с необходимостью разрешения вопроса об экстрадиции. В данном случае Суд также применил и истолковал конституционные положения.

Было также отмечено, что судебная власть выступает сегментом в механизме сдержек и противовесов в системе не только разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, но и в каждой из них. В частности, в отношении президентской власти был приведен пример по делу об “иммунитете” Президента Н. Саркози и Администрации Президента Франции (2012 г.). Хотя судьи назначаются на должность президентом, это не лишает их независимости. В настоящее время перспектива развития юрисдикции Кассационного суда заключается не в проверке конституционности законов, а в том, что Суд есть и останется конституционным по своей природе, он реализует конституционные полномочия путем использования фильтров. В случае, если гражданин остался неудовлетворенным в применении норм уголовного или гражданского права, он может поставить вопрос о конституционной приоритетности примененного к нему закона в отношении любой инстанции, т.е. он может оспорить применение к нему нормы закона, и, если судья считает, что есть основания признания примененного закона неконституционным, используя “разумное сомнение”, он может обратиться в Конституционный совет, который применяет подход “явного сомнения”.

Н. Мазио подчеркнул, что в соответствии с учениями о “живом праве” судья воплощает в жизнь закон. Важным является не сам текст закона, а истолкование, которое не вступает вразрез с идеями Конституции Франции. При этом Кассационный суд предпочитает давать свое конституционное истолкование закона, а не передавать вопрос на рассмотрение в Конституционный совет. Тем самым создан целый ряд механизмов, позволяющих Кассационному суду решать вопрос о конституционности примененной в конкретном споре нормы закона. Конечно, возможны различия в истолковании конституционности норм, и тогда приоритетным будет истолкование, данное по конкретному делу Кассационным судом, ибо его решение в конкретном деле окончательное. Таким образом, сложился некий подход, представляющий собой истолкование Конституционным советом, являющимся “горизонтальным авторитетом” для судов (учитывается всеми судами и органами власти), а истолкование, данное Кассационным судом, является “вертикальным авторитетом” (учитывается только в рамках конкретного дела, а по другим ситуациям не признается).

Н. Мазио отметил, что Конституционный совет по своим функциям схож с Кассационным судом, каждый из этих органов имеет возможность применять конституционные положения путем их толкования и интерпретации при рассмотрении конкретных дел. Вопрос о разграничении полномочий в этой сфере решается определением предмета и объекта при рассмотрении споров.

В.И. Анишина в своем выступлении сделала акцент на основах применения Конституции РФ судами общей юрисдикции, в том числе озвучила практику Верховного Суда РФ, а также раскрыла положения принятых в целях обеспечения концепции единства судебной власти постановлений Пленума Верховного Суда РФ о применении норм конституционного права и международного права. Были обозначены также проблемы реализации норм Конституции РФ в сфере органи-

зации и деятельности судебной власти, в части учреждения административной юстиции, ее правомочий, формирования и разработки специального процессуального законодательства в сфере административного судопроизводства. **В.И. Анишина** отметила, что имеется ряд проектов кодексов административного судопроизводства, которые активно обсуждаются учеными и практиками.

21 октября 2014 г. состоялось второе заседание “круглого стола”.

По предложению ведущего заседание “круглого стола” проф. **В.Н. Корнева** участники почтили минутой молчания память погибших при крушении самолета в московском аэропорту “Внуково” президента одного из крупнейших в мире нефтяных концернов Total Кристофа де Маржери и членов экипажа.

С приветственным словом к участникам “круглого стола” обратился ректор РГУП, доктор юрид. наук, проф. **В.В. Ершов**. В своем выступлении он отметил, что в условиях активных интеграционных процессов, которые сегодня происходят в мире, очень важным представляется делиться имеющимся опытом, накопленными знаниями между государствами и различными научными школами.

Профессор В.В. Ершов обратил внимание на то, что проблемы применения конституций судами каждого государства и вообще понимания права в мире весьма сходны. Сводить право в настоящее время только к нормам закона не правильно, пора уходить от легизма и рассматривать право с точки зрения интегративного подхода, который предполагает, что право – это не только закон, но и принципы международного и внутринационального права, а также договоры нормативного содержания и правовые обычаи.

По мнению В.В. Ершова, остается много нерешенных теоретических и практических вопросов. В частности, такие общеизвестные категории, как “верховенство права” и “правовое государство”, которые сегодня активно употребляются, являются спорными и не совсем определенными. В результате изучения научной литературы В.В. Ершов пришел к выводу, что единства мнений по этому поводу не существует. Верховенство права – это верховенство “чего” и “над чем”? Здесь вопросов больше, чем ответов. “Правовое государство” многие называют доктриной, но так ли это? Доктрина – это устойчивая, общепризнаваемая система воззрений, а так как единства взглядов по данной проблематике не наблюдается, то, следовательно, доктриной это назвать еще нельзя, а только лишь совокупностью различных концепций.

В заключение проф. В.В. Ершов выразил надежду на дальнейшее сотрудничество с французскими коллегами как в области науки, так и в сфере межвузовского обмена студентами.

Судья Верховного Суда РФ, доктор юрид. наук, проф. **В.И. Анишина** обозначила проблемы, на которые обратила внимание, выступая перед российскими судьями.

Проректор по научной работе РГУП, доктор юрид. наук, проф. **В.Н. Корнев** подчеркнул, что согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ действующим правом является сама Конституция РФ. В научных исследованиях отмечается, что буквальное толкование данного конституционного положения дает основание для вывода о том, что нормы права, содержащиеся в Конституции РФ, подлежат прямому применению без каких-либо ограничений и исключений всеми правоприменителями, в том числе и судами, а также осуществлению в формах непосредственной реализации: использование, исполнение, соблюдение (профессора В.В. Ершов, Е.А. Ершо-

ва). К действующему праву относят Конституцию РФ также профессора И.А. Умнова, Б.С. Эбзеев.

В этой связи ошибочной представляется позиция тех теоретиков права, которые считают, что ряд положений Конституции РФ не носит нормативного характера. В качестве примера можно взять положения ст. 7 о России как социальном государстве. Ученые-юристы (например, проф. Р.А. Ромашев) полагают, что закрепление данного положения не означает практической его реализации и не имеет регулирующего воздействия на общественные отношения. Между тем Верховный Суд РФ, основываясь на положениях ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, “выработал социально ориентированную позицию в вопросе о том, в каком размере производится оплата за время приостановления работы, если отказ работника от исполнения трудовых обязанностей вызван задержкой заработной платы”.

Таким образом, имеются два понимания: “действие права в юридическом смысле” и “действие права в социологическом смысле”. К последнему относятся все формы реализации Конституции, в том числе и особая ее форма – применение Конституции РФ. Относительно прямого применения Конституции существуют разные позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

По мнению В.Н. Корнева, предпочтительней оказывается позиция Верховного Суда РФ. В обоснование такой позиции был приведен пример по делу военнослужащего Маркина, которое было рассмотрено в Европейском Суде по правам человека. Российский суд решил дело, сославшись на действующий федеральный закон, тогда как он противоречил принципу равноправия мужчины и женщины. Конституционный Суд РФ не привел убедительных доказательств того, что военнослужащий мужчина не имеет права на отпуск по уходу за ребенком, сославшись на статьи федерального закона, в то время как конституционные положения не были приняты во внимание.

Фабрис Мелерей (профессор административного права Университета Париж 1) в своем выступлении акцентировал внимание на децентрализацию в сфере применения конституционных норм о частном социальном праве. Франция, являясь унитарным государством, определяет нормативную и финансовую автономию на уровне муниципалитетов. По вопросу нормативной автономии Ф. Мелерей выделил четыре принципа: 1) субсидиарность; 2) свободное администрирование; 3) признание регламентарных возможностей для местного самоуправления; 4) возможность проведения экспериментов в создании норм муниципального права.

Раскрыв каждый из принципов, Ф. Мелерей отметил, что Конституционный совет, когда к нему направлялись обращения в 2005, а затем в 2010 г., подчеркнул, что он не санкционирует нарушений принципов со стороны законодателя. Как считает Ф. Мелерей, отказывая в проверке конституционности, Конституционный совет делает не работающими в полной мере данные принципы.

Мари Готье (профессор публичного права, докладчик в Государственном совете) охарактеризовала правовой статус Государственного совета Франции. Данный государственный орган выполняет двойственную функцию. Во-первых, он дает разъяснения по проектам законов, заключения доступны только правительству, с которым и ведется диалог по тому или иному вопросу. Во-вторых, Государственный совет Франции выступает как орган высшей административной юрисдикции. При осуществлении этих двух функций он и применяет конституционные нормы. В Государственный совет обращаются по вопросам его ведения, а также по вопро-

су пересмотра Конституции, в результате Государственный совет дает рекомендации. В Государственный совет может также обращаться правительство с просьбой дать истолкование конституционности нормы, например, по вопросу о правах и свободах (в частности, о ношении платка (хиджаба)). В целом по всем вопросам, где затрагиваются принципы публичной свободы, имеет место взаимодействие с Государственным советом.

М. Готье отметила, что может возникнуть вопрос о коллизии толкования конституционных норм Государственным советом и Конституционным советом, однако есть четко определенные сферы, в рамках которых решения об истолковании конституционных норм Государственным советом окончательны. Таким образом, у Конституционного совета нет монополии на истолкование конституционных норм и разъяснение конституционного смысла, в них заложенного. При этом Государственный совет старается не вторгаться в компетенцию Конституционного совета. В рамках правоприменительной деятельности судьи Государственного совета сами наполняют конституционным содержанием применяемые в практической деятельности нормы, тем самым обогащая их содержание. Но есть “законодательный экран”, и Государственный совет не может контролировать конституционность законов, т.е. нельзя обратиться в Государственный совет непосредственно с просьбой о проверке конституционности нормы. Когда, по мнению Государственного совета, при разрешении дела возникнет серьезный вопрос, только тогда можно поставить вопрос о конституционности нормы закона перед Конституционным советом.

Катрин Готье (преподаватель публичного права Университета Бордо) сделала акцент на взаимодействии национального права Франции и европейского права, указав, что в связи с наличием действия юрисдикции высших национальных судов и Европейского Суда по правам человека в правовом пространстве Франции возникают проблемы в обеспечении субсидиарности принятых решений, вписывания их в систему правового регламентирования. Подчеркнув воздействие решений ЕСПЧ, она отметила их ограниченный характер, поскольку стороны, подписавшие соответствующие протоколы, обязуются соблюдать решения, а не применять их. Соответственно, следует говорить о точечной практике использования позиций ЕСПЧ по конкретному делу, а не о практике, имеющей всеобщий обязательный характер. На совести каждого государства остаются прекращение нарушений прав и свобод человека и ликвидация последствий таких нарушений.

К. Готье выделила два взаимодополняющих тренда: во-первых, “механизм воздействия” приводит в движение национальное законодательство и приводит к необходимости реформирования в определенных сферах; во-вторых, должны применяться меры к прекращению нарушений в сфере прав и свобод, но государства свободны в выборе средств, и одним из таких средств является прямое применение конституционных норм о правах и свободах национальными судами.

Заместитель заведующей кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука, канд. юрид. наук, доц. **И.А. Дудко** раскрыла правовую природу деятельности Конституционного Суда РФ, а также указала на некоторые особенности казуального толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ. Во-первых, это – *выявление конституционно-правового смысла законов*. Такая возможность вытекает из ст. 74 Закона о Конституционном Суде РФ, которая предусматривает, что Конституционный Суд РФ принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и

смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Во-вторых, в последние годы в Конституционном Суде РФ проявляется тенденция при рассмотрении дел и казуальном толковании Конституции РФ фактически формулировать новые, прямо не закрепленные в Конституции РФ принципы, права и свободы. Например, в Постановлении от 18 июля 2013 г. № 19-П Конституционный Суд указал, что конституционно значимой целью является защита жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних. Эта конституционная цель, прямо не обозначенная в Конституции, потом использовалась Конституционным Судом и при оценке конституционности законов по другим делам (постановления от 23 сентября 2014 г. № 24-П, от 31 января 2014 г. № 1-П). Конституционный Суд РФ в своих решениях также сформулировал принцип правовой определенности, прямо не закрепленный в Конституции РФ. Требование правовой определенности появилось как выявленный Конституционным Судом один из аспектов принципа верховенства права. Правовые нормы должны отвечать общеправовому критерию формальной определенности, вытекающему из принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1, 2 ст. 19, ч. 1 Конституции РФ), поскольку равенство может быть обеспечено лишь при условии ясности, недвусмысленности нормы, ее единообразного понимания и применения всеми правоприменителями; неопределенность правовой нормы ведет к ее неоднозначному пониманию и, следовательно, к возможности ее произвольного применения, а значит, к нарушению указанного принципа (постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 11 ноября 2003 г. № 16-П, от 21 января 2010 г. № 1-П и от 13 июля 2010 г. № 16-П).

Основным критерием оценки конституционности законов по жалобам граждан стал и принцип соразмерности, также прямо не закрепляемый Конституцией РФ.

Помимо принципов Конституционный Суд РФ толкует содержание конституционных прав и свобод. Совсем свежий пример – Постановление от 23 сентября 2014 г. № 24-П, где Конституционный Суд на основе ст. 22 (ч. 1), ст. 23 (ч. 1), ст. 28 и 29 (ч. 1–4) Конституции РФ, гарантирующих каждому право на свободу и личную неприкосновенность и др., вывел не закрепленное Конституцией право на свободу сексуального самоопределения.

И.А. Дудко подчеркнула, что расширительное толкование российскими учеными конституционных норм оценивается неоднозначно. Некоторые приветствуют расширение Конституционным Судом смысла законов во взаимосвязи с Конституцией РФ, а другие, наоборот, говорят о порочности такой практики, ее опасности. По ее мнению, исходя из принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина, практика расширительного толкования Конституционным Судом РФ конституционных прав и свобод может только приветствоваться. Однако, учитывая особое место Конституционного Суда РФ в системе высших органов государственной власти, его двойственную правовую природу, расширительный подход помимо очевидных достоинств таит опасность. Он может применяться Судом только при соблюдении принципа самоограничения в его деятельности.

Заместитель декана факультета подготовки специалистов для судебной системы на базе СПО юридического и экономического профилей РГУП **Ю.К. Макеева** в начале своего выступления раскрыла общие положения, касающиеся статуса судей в Российской Федерации.

Основной доклад был посвящен содержанию конституционного принципа несменяемости судей в решениях Кон-

ституционного Суда РФ, который в процессе рассмотрения дел по жалобам граждан неоднократно раскрывал некоторые аспекты данного принципа.

В частности, Конституционный Суд РФ в одном из своих решений указал, что гарантии независимости, несменяемости и неприкосновенности как элементы конституционно-правового статуса судьи есть не личная его привилегия как гражданина, а средство, призванное обеспечивать публичные интересы, прежде всего интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ), служат одновременно и гарантиями самостоятельности и независимости судебной власти.

Докладчиком было обращено внимание на то, что конкретизирующие конституционный принцип несменяемости нормы федеральных законов (в частности, в определении срока полномочий судей в Российской Федерации) носили весьма изменчивый характер. Некоторые из вышеуказанных положений закона были подвергнуты рассмотрению в Конституционном Суде РФ, который в Определении от 11 марта 2005 г. № 3-О сделал вывод, что из принципа несменяемости судей не вытекает право на пожизненное занятие должности судьи, т.е. несменяемость судьи не тождественна бессрочности пребывания в должности судьи.

Так же было отмечено, что конституционный принцип несменяемости судей обеспечивается особыми основаниями и порядком приостановления или прекращения полномочий судей при условии, что эти основания и порядок установлены федеральным законом, т.е. установлен конституционный запрет на приостановление или прекращение полномочий судьи по иным основаниям и (или) в ином порядке, чем это урегулировано в федеральном законе.

По мнению Ю.К. Макеевой, одна из правовых позиций Конституционного Суда РФ, высказанная в Определении от 27 декабря 2005 г. № 491-О в той части, что законами субъектов Федерации могут вводиться дополнительные основания прекращения полномочий судей конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, является спорной. Так как специальный закон о конституционных (уставных) судах до сих пор не принят, то представляется важным руководствоваться нормами Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации”. Введение дополнительных оснований для прекращения полномочий судей конституционных (уставных) судов законами субъектов Федерации сегодня не соответствует ни Конституции, ни федеральному закону.

Далее был сделан акцент на том, что вышеуказанным Законом предусмотрена дисциплинарная ответственность судей (за исключением судей Конституционного Суда РФ). Один из видов дисциплинарных взысканий – досрочное прекращение полномочий судьи. Однако данный вид дисциплинарного взыскания может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, не совместимое с высоким званием судьи нарушение положений Закона РФ “О статусе судей в Российской Федерации” и (или) Кодекса судейской этики.

Между тем, как указал Конституционный Суд РФ, досрочное прекращение полномочий судьи как наиболее суровая мера дисциплинарной ответственности, влекущая значительные негативные последствия для судьи, который лишается всех гарантий, связанных со статусом судьи, включая полагающееся ему при удалении в отставку ежемесячное пожизненное содержание, может иметь место в тех случаях, когда исчерпаны все иные средства воздействия на судью, направленные на предупреждение дальнейших нарушений с его стороны, либо когда допущенное судьей

нарушение подрывает доверие к судебной власти и не дает оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение им обязанностей судьи в будущем. Соответственно, такая санкция, как предупреждение, призванная оказывать дисциплинирующее воздействие на судью с целью сохранения баланса между ответственностью судей и их несменяемостью и обеспечения стабильности судебского корпуса, позволяет использовать досрочное прекращение полномочий судьи лишь в качестве исключительной меры воздействия.

В процессе работы “круглого стола” состоялась оживленная дискуссия, в рамках которой были даны ответы на многочисленные вопросы, возникшие в процессе обсуждения темы о применении конституционных норм судами России и Франции.

Закрывая “круглый стол”, ректор РГУП **В.В. Ершов** отметил огромную практическую значимость таких мероприятий. Данное сотрудничество необходимо продолжать, и для этого есть масса интереснейших научных и практических тем для дальнейших дискуссий и совместной научной работы. Значительны перспективы сотрудничества по линии обмена преподавателями, аспирантами и студентами.

Обзор научной дискуссии подготовили:

Ирина Анатольевна Умнова, доктор юрид. наук, проф. (E-mail:iaumnova@mail.ru; ikonyukhova@yandex.ru);

Ирина Александровна Алешкова, канд. юрид. наук, доц.